

О П А С Н Ы Е С Т Р А С Т И

остросюжетные
мелодрамы

**Читайте
криминальные мелодрамы
Елены Гординой:**

Цикл «Опасные страсти»

Слишком сильная женщина
Закадычная соперница
Она ему не пара
Падчерица Фортуны
Черная полоса везения
Я куплю тебе новую жизнь
Сладкая правда и горькая ложь
Я оставляю выбор за собой
Зачем ты это сделала?
Шок-контент
Трижды воскресший
Скидка на любовь
В тумане лжи
Потерявшиеся в тайге
Проклятие орхидей

Цикл «Наперекор судьбе»

Когда красота убивает
Жена монстра

ЕЛЕНА
ГОРДИНА

Проклятие
орхидей

Москва
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г68

Редактор серии *Е. Ирмеш*

Оформление серии *А. Гаретова*

Гордина, Елена.
Г68 Проклятие орхидей / Елена Гордина. — Москва : Эксмо, 2023. — 320 с.

ISBN 978-5-04-186902-1

Олеся никак не могла забыть свою первую любовь и своего мужа Павла. Каково же было ее удивление, когда в экспедиции по джунглям Малайзии она снова столкнулась с ним. Но в этом путешествии все сразу пошло не так – сначала кто-то испортил лодку, и все чуть не утонули в местной реке, далее в сумку к Олеся подкинули ядовитую змею, а затем девушку столкнули в яму, полную опасных рептилий. Олеся поняла, что кто-то хочет ее убить, и подозрения падают на близких ей людей...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-186902-1

© Гордина Е., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

Часть I

Пролог

— Только бы не упасть! — пробормотала Олеся, пытаясь напиться из ручья, и, конечно же, ее нога соскользнула с влажного камня, и девушка рухнула в прохладную воду. — Черт! Мне вечно не везет!

Олеся была готова расплакаться, куртка испорчена, даже свитер весь мокрый, не говоря уже о джинсах и ботинках. Как теперь в таком виде возвращаться к ребятам?

От костра послышался звонкий смех и чьи-то перепуганные вопли. Потом еще один взрыв хохота.

«Сейчас будут надо мной потешаться», — поежилась Олеся то ли от холода, то ли от предстоящей встречи с друзьями. Нет, ну надо же было упасть в ручей именно сегодня, когда Павлик решил пойти с ними в поход.

Семнадцатилетний Павлик был тайной любовью девчонки, правда, не такой уж и тайной, так как о ее увлечении знали практически все. И подруги, и даже мама, а это уже означало, что Олеска втрескалась не на шутку. Похоже,

что про ее чувства не знал только сам Павлик, но шансов было мало, ох как мало — Павлик, капитан школьной команды по волейболу, спортсмен и красавец, любимец половины девчонок школы, на Олеську внимания почти не обращал. Так, пару раз пригласил в кино, но на этом все и закончилось.

«Даже поцеловать не попытался», — в который раз с обидой подумала она и грустно вздохнула. «А может, это и к лучшему, что не попытался, — внезапно решила девчонка, — я и целоваться-то не умею, еще даже ни разу ни с кем не пробовала».

Олеська была ископаемым, раритетом, «старой девой», так как среди своих подруг оставалась единственной «нецелованной», и девчонки постоянно усаживали ее «на карты», чтобы те, по древнему поверью, «говорили» правду. Но все равно над ней потешались, так как у многих ее одноклассниц уже и опыт интимных отношений был, а Олеська даже не целовалась. И это почти в восемнадцать лет.

И не сказать, что она была уродлива и ребята не обращали на нее внимания, нет, совсем даже наоборот. Олеська — яркая, натуральная блондинка с зелеными глазами, и не глупа была, и посмеяться любила. Вот только одевалась она как-то бедненько и скромно, словно боялась выделиться из толпы сверстниц.

— Ты куда пропала? — Олеська вздрогнула и подняла глаза. Павлик стоял рядом, ежеминутно сплевывая на землю, он курил сигарету и крайне невозмутимо ковырял носом кроссовки камешек. — Ты чего мокрая вся?

— Упала... в ручей, — заикаясь, ответила Олеся и внезапно рассмеялась. Ей так хорошо стало, и это только потому, что парень стоял рядом.

— Возьми, переоденься, — Павлик скинул свою куртку, а затем стянул через голову свитер. — А то еще простудишься.

— А ты? — Олеська не верила своему счастью. Неужели она прикоснется, нет, даже наденет ЕГО свитер?

— А я не простужусь. — Павлик еще раз сплюнул себе под ноги, а затем также невозмутимо, вразвалочку, пошел к костру. — Переодевайся! — крикнул он, не оборачиваясь. — И иди сушиться!

Олеська, путаясь в рукавах, скинула мокрые вещи и влезла в свитер Павлика. У нее перехватило дыхание и даже закружилась голова — от его вещей пахло костром, сигаретами и классным одеколоном.

«Господи, какая я счастливая», — девчонка больше не ощущала ни холода, ни мокрых ботинок. Олеська была готова еще двадцать раз

упасть в ручеек, лишь бы Павлик снова о ней позаботился.

К вечеру, когда ее вещи уже просохли у костра, ребята стали собираться домой. Залили кострище водой, собрали разбросанные по всей полянке бутылки из-под пива да бумажные тарелки с остатками холодного шашлыка.

Олеська пиво не пила и шашлык не ела. Мясо она не любила, а от пива ее вообще воротило. Поэтому она и Наташка, ее давнишняя подруга, ограничились горячим чайком из термоса.

— Ну? — Мария, негласный лидер их группки, невысокая и полная девчонка, последний раз затянулась сигаретой и скомандовала: — Пошли!

Парни в ответ что-то невразумительно промывчали, конечно, они ей не подчиняются, поэтому и с места не двинулись. А девчонки сбились в нестройную стайку и пошагали за Марией.

Олеська замыкала вереницу подруг и постоянно останавливалась: то шнурок развязался, то камешек в ботинок попал. А на самом деле она ждала Павлика, но пацаны не торопились их догонять. Они все еще спокойно сидели у потухшего костра и допивали остатки пива. Кое-кто закурил.

«Это надолго!» — с тоской подумала Олеська и, минуту поколебавшись, побежала вслед за

девчонками, которые уже норовили скрыться из виду.

К остановке они вышли под шквалистый ветер, неожиданно набежали тучи, темное небо то и дело пронзали ослепительные молнии, но дождя пока не было. Девчонки уселись на поваленное дерево, Мария и Оксана снова закурили. Олеська тоскливо вглядывалась в лес, надеясь разглядеть между деревьев ярко-синюю ветровку Павлика. Но в это мгновение подошел автобус, и девчонки, побросав сигаретки, зашли внутрь.

Олеська еще раз обернулась в сторону леса, а затем, едва не разревевшись, юркнула в переполненный салон. Двери закрылись и, натужно урча, автобус поехал в город.

Последняя надежда на то, что ее до дома проводит Павлик, умерла, и теперь Олеська грустно уставилась в окно. Народу в салоне было тьмища, и подруг почти сразу же растолкали в разные стороны. Олеську кто-то припер к задней стенке автобуса, да так, что не вздохнуть.

— А ну, посторонитесь! — Павлик пробивался к ней на заднюю площадку. — Совсем девчонку задавили! А ну, пропустили!

И его действительно пропускали. Ни у кого не было желания связываться с высоким и крепким парнем.

— Ты откуда? — Олеська вся светилась от радости. — Я тебя не видела.

— Я в переднюю дверцу запрыгнул в последнюю секунду. — Павлик протиснулся к ней и загородил ее спиной от толпы. — Ты как?

— Нормально. — Они были так близко друг к другу, что у Олеськи снова закружилась голова.

На повороте автобус качнуло, и Павлик почти упал на нее.

— Прости, — смутился парень. — Толкаются, черти.

— Ничего, — пролепетала раскрасневшаяся Олеська и замолчала. У нее дрожали руки и пересохло в горле.

Автобус снова подпрыгнул на невидимой горке, и Павлик наклонился к ее лицу. Самый первый, самый нежный поцелуй в своей жизни Олеська запомнила навсегда, потому что по буре захлестнувших ее тогда эмоций он не уступал всем ее последующим «взрослым» ночам, вместе взятым.

Глава I

Олеся улыбнулась нахлынувшим воспоминаниям, положила школьный фотоальбом обратно в шкаф, а затем вышла на балкон и закурила.

Прошло шестнадцать лет с того самого памятного поцелуя, а она, оказывается, все прекрасно помнила. И тот дождь, который потом догнал их с Павликом в городе, и то, как бежали они до подъезда, и как потом долго-долго целовались у дверей ее квартиры.

Закрыв за собой балконную дверь, она автоматически помахала руками в воздухе, чтобы разогнать просочившийся с балкона табачный дым, и ушла на кухню. Олеся поставила разогревать котлеты к приходу мужа и раздраженно выглянула в окно. Молодежь, громко смеясь и матерясь одновременно, пила пиво на детской площадке, опираясь на припаркованные рядом иномарки — поколение next, одним словом.

— Мы были другими, — с тоской протянула Олеся и незаметно для себя тяжело вздохнула. Ей ли, учительнице биологии в старших классах, не знать нынешнюю молодежь?

«И почему я сегодня решила посмотреть старый фотоальбом?» Олеся поставила воду на плиту, чтобы отварить макароны.

Они давно потеряли друг друга из виду: Павлик несколько лет назад уехал в другой город, да там и остался. А Олеся вышла замуж за своего бывшего одноклассника — Федечку... Федора... Федора Валентиновича — и была счастлива. Орхидеи на окне выращивала, супы варила, вечерами вязала длиннющие шарфы

и чудовищные свитера. А вот теперь эти воспоминания — к чему?

Жуткая вонь ударила в нос, и Олеська удивленно ойкнула. Котлеты уже давно превратились в угольки, а она так и стояла с ложкой возле сковороды, даже не сообразив выключить газ. Все. Еще одной семейной разборки не избежать. Через полчаса придет Федор и устроит сцену.

— Как мне все это надоело! — Олеська в сердцах бросила ложку на стол, да так, что жирные капли разлетелись по всей кухне, вышла в коридор, накинула плащ и выбежала во двор.

Немного растерявшись, она замерла на месте, а потом двинулась в сторону, противоположную той, откуда обычно возвращается с работы муж. Сейчас встреча с Федечкой в ее планы не входила.

Олеська перебежала дорогу почти перед носом старенького «жигуленка» и, не обращая внимания на яростные сигналы клаксоном перепуганного водителя, двинулась дальше.

Куда? Женщина снова встала посреди дороги.

— Здравствуйте, Олеся Викторовна! — Девчонки из ее школы удивленно приостановились рядом. — Вы что-то ищете?

— Здравствуйте, девочки, — отшатнулась Олеся и, ничего не ответив, понеслась дальше.

Неделю назад она вот так же сорвалась с места и отправилась бродить по городу. Но Павлика в тот день она еще не вспоминала.

Олеська никак не могла собрать мысли в стройную цепочку, словно жемчужинки с порванных бус, они раскатывались в разные стороны.

— Да что же это такое? — всхлипнула Олеся и сдавила виски пальцами.

Неужели это «обычный» кризис семейной жизни, умноженный на стресс от невозможности забеременеть вот уже много лет подряд?

И снова, как и в прошлый раз, Олеська вышла к небольшому базарчику на окраине города. Справа тянулась железнодорожная ветка, а слева базар подпирала грязная река с красивым названием Сладкая.

Да, умели раньше давать имена, вполне возможно, что пару веков назад речная вода действительно имела сладкий вкус, сейчас это выяснить уже было невозможно. Птицефабрика на одном берегу и городская ТЭЦ на другом окончательно превратили полноводную реку в грязное болото. Естественно, запах в округе стоял соответствующий. Олеся, известная «нюхачка» и ярая почитательница всевозможных дезодорантов — освежителей воздуха, только в очередной раз удивилась своему выбору маршрута. Ее словно тащили сюда на веревке.

Небольшой импровизированный рынок пользовался явным успехом у не слишком богатой части города. Здесь продавали на больших кусках бумаги, брошенных прямо на землю, мясо и птицу. Рядом ютились бабульки с домашним творогом и парным молоком. Китайские шмотки на открытых прилавках и небольшой антикварный магазинчик, куда и забрела в прошлый раз Олеся. Покосившаяся вывеска, написанная от руки масляной краской, «Антиквариат — дешево».

Олеся толкнула дверь и вошла внутрь; как и неделю назад, здесь было совершенно пусто. На единственной небольшой витрине под тусклым стеклом лежали всевозможные награды, желтые от времени фотографии, значки, монеты, статуэтки, оружие и часы с отбитым краем. Вдоль стены была развешена военная форма и несколько икон.

Вот одна из икон и привлекла внимание Олеси. Еще в прошлый раз икона буквально бросилась ей в глаза: небольшая, сантиметров пятнадцать по диагонали, она представляла собой святого, несущего на руках ягненка. За спиной у святого поднималось солнце, а правой рукой он прижимал к себе посох.

— Вы что-то хотели? — Невысокий грузный мужчина, явно кавказского типа, оценивающе взглянул на Олесю, но тут же безразлично

отвел взгляд. Грустная и серая, без косметики и с хвостиком на голове, она его не заинтересовала.

— Да. — Олеся протянула руку. — Вот эта икона. Что она означает?

— Эта? — Мужчина вытер жирные руки о футболку на животе. — Эта? Не знаю, барана куда-то несут. — Он безразлично зевнул. — Брать будете?

— Сколько? — Олеся сама поразилась собственной наглости. В ее сумке лежали последние деньги, выделенные Федечкой на «хозяйство», и тратить она их не имела никакого права.

— Пятьсот. — Мужчина замялся и еще раз взглянул на Олеся. — Брать будете, отдам за четыреста пятьдесят.

— У меня только четыреста тридцать, — растерялась Олеся и вцепилась в ручку сумки.

Она и сама не могла понять свои чувства, зачем ей эта икона? Наверное, будет лучше, если этот толстый кавказец сейчас ей откажет?

— Бери, — отмахнулся мужчина и протянул ей икону.

— Спасибо. — Олеся положила икону в сумку, и чувство, что кроме антикварной вещи она вернула и еще что-то очень важное, ее не покидало.

Глава 2

— Тебе нечего мне сказать? — Воронин зло мерил комнату шагами. Марина сидела, сторбившись на диване и молчала. — Ну?

Женщина даже не шевельнулась, слезы бежали по ее щекам.

— Чего ты молчишь? — Мужчина был в бешенстве. Он подбежал к своей куртке, висящей на спинке стула, и достал сигареты. — Чего ты молчишь? — почти заорал он, пытаясь прикурить от дрожащей спички.

Маринка продолжала упрямо рассматривать собственные ноги и не проронила ни звука.

— Все, с меня хватит! — Воронин сорвался на крик. — Мы совершенно не понимаем друг друга!

— Я развода тебе не дам. — Женщина качнулась и подняла к нему лицо. Ее глаза были безумно усталыми. — Развода я тебе не дам, а если ты уйдешь, то я умру, — тихо повторила она и снова опустила голову.

— Я не могу так больше! — Воронин вылетел в коридор, опрокинув по дороге стул, который упал с невообразимым грохотом.

Марина вздрогнула. Словно выстрел, оглушительно хлопнула входная дверь, и Марина вздрогнула еще раз.

Воронин вылетел на улицу и помчался куда глаза глядят. Завернув в первую попавшуюся

закусочную, он заказал себе двести граммов водки и снова закурил.

За соседним столиком сидела компания уже пьяненьких подростков. Четыре пацана и две грудастые, вульгарно раскрашенные девицы. Третья же, блондиночка, удивительно напомнила ему о его первой любви, и Воронин внезапно ударился в воспоминания, но тут же одернул сам себя. К чему все это?

Как там? «Все прошло, как с белых яблонь дым»? Или «с белых яблонь цвет»?

По-моему, она любила Есенина, начитанная девочка, вот только из неблагополучной семьи, как любил выражаться Воронин-старший.

«Ты достоин лучшей!» — словно таблицу умножения, он вдавливал эту фразу в голову своему чаду.

Иван Степанович был толст, стар, но «цену» себе знал твердо, и это знание стремился передать Воронину-младшему.

Мужчина залпом выпил водку и вышел из прокуренного помещения. И снова куда глаза глядят, домой возвращаться не хотелось. Его жена была идеальной женщиной, настолько идеальной, что от ее совершенства просто сводило зубы. Марина не пила, не курила, не сплетничала, никогда не устраивала ему скандалы, не упрекала, а только тихо и жалобно плакала, если он ее обижал. А обижал Воронин жену часто.

«Может, мне любовницу завести? — в подвыпившую голову мужчины приходили несвойственные ему мысли. — Немного любви, немного тепла, вокруг полно одиноких девушек!»

Так куда же пойти? Воронин встал посреди улицы и удивленно огляделся — мать честная, весна уже, а он и не заметил. Полно красивых девчонок, короткие юбки, длинные ноги, страстные взгляды.

Мужчина приободрился.

— В конце-то концов, — пробормотал он, покупая пиво и усаживаясь на скамейку в городском саду. — Еще не все потеряно!

Он пригубил ледяной напиток и даже зажмурился от блаженства.

«Хорошо-то как!» — успел подумать он, как к нему на лавочку подсели две молодые женщины.

— Можно? — спросила одна, маленькая и толстенькая, она напонила Воронину деревянный брусок. Ее подруга была не намного лучше, разве что похудее.

— Нельзя, — рявкнул Воронин. — Я жду друга!

— Нахал, — пропищала толстуха, и дамы гордо удалились на соседнюю лавочку.

— Старухи. — Воронин закурил и отвернулся.

Он не любил некрасивых женщин, Воронин любил роскошных красоток, но они почему-то

не любили его — почти сорокалетнего, толстого и унылого мужчину. Вот в молодости да, эти красотки сами ему на шею вешались, а сейчас мимо проходят, стервы. Тогда они ему были на фиг не нужны, Павлик копался в девчонках как курица в навозе, а теперь он им не нужен. Вот такая диалектика. И хотя его первая жена была по-настоящему привлекательна, вторую же, Маринку, он сознательно выбрал страшненькую. Скорее даже, чтобы угодить вездесущему папе, который на этот раз остался доволен выбором сына. Маринка была из богатой семьи, прекрасно воспитана, с высшим экономическим образованием, а с лица воду не пить, да и потом, жена не должна быть красивой, это же не любовница!

Мужчина поежился, неожиданно холодный порыв ветра заставил его приподнять воротник куртки. Он огляделся и с раздражением отметил, что ни одной мало-мальски привлекательной особы женского пола в пределах видимости нет.

— Что за бабы пошли? — зло выругался Воронин, вставая со скамейки. — Толстые ляжки, короткие ножки, и куда подевались все красотки?

Мужчина вяло потащился домой, уже предвкушая очередную слезоточивую семейную мелодраму, когда навстречу ему буквально выпрыгнула маленькая, рыженькая девушка:

— Привет! — улыбнулась она, обнажая белоснежные зубы. — Закурить есть?

Воронин бегло окинул рыжую «кошечку» взглядом с головы до ног и остался доволен увиденным.

— Есть. — Он протянул девчонке сигареты и помог прикурить. — Куда спешишь?

— Да, в общем-то никуда, — протянула «кошечка» и засмеялась.

— Тогда пошли, выпьем? — предложил Воронин и развязно улыбнулся. — А?

— Пошли, — девчонка поежилась. — Холодно сегодня!

Они двинулись в сторону ближайшего кафе, и настроение у Воронина моментально поднялось на десять пунктов. Он уже мысленно представил себе «кошечку», распластанную на постели в дешевой гостинице, и возбужденно потер руки.

— Ну, давай знакомиться. Как тебя зовут? — спросил мужчина, вольно обнимая ее за худенькие плечи.

— Белка, — ответила девчонка, и Воронин вздрогнул:

— Как?

— Все зовут меня Белка, — «кошечка» пожала плечами. — А что?

— Ничего, — буркнул мужчина и ухмыльнулся. Это надо же, какое совпадение!